

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42

**БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ *СВОЙ* – *ЧУЖОЙ* В РУССКОЙ, ТАТАРСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ
(на материале произведений Л.Н. Толстого, М. Митчелл, Г. Исхаки)***А.А. Аминова, Р.М. Планкина***Аннотация**

Статья посвящена исследованию оппозиции *свой* – *чужой* в трёх лингвокультурах. Особое внимание уделяется лексемам – репрезентаторам данной оппозиции, которые реализуются в языковом пространстве исследуемых текстов. Материалом послужили художественные произведения Л.Н. Толстого («Война и мир»), М. Митчелл («Унесённые ветром») и Г. Исхаки («Зулейха»). На основе анализа языкового материала авторы выделяют тематические группы: семья, народ, общество, религия, в которых раскрывается оппозиция *свой* – *чужой*.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, оппозиция *свой* – *чужой*, тематическая группа.

Изучение бинарных оппозиций в современной науке принято проводить на материале художественных произведений с целью выявить индивидуально-авторскую концепцию, в которой не только реализуется замысел писателя, но и отражаются элементы национально-культурного сознания.

Что касается самого термина *бинарная оппозиция* (лат. *binarius* – двойной, двойственный, состоящий из двух частей), то он прочно вошёл в лингвистическую науку благодаря трудам известного лингвиста Н.С. Трубецкого. Он охарактеризовал данный термин как универсальное средство рационального описания мира, где одновременно рассматриваются два противоположных понятия, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое – отрицает (например, в фонологической системе: глухость – звонкость, твёрдость – мягкость, гласные – согласные) [1, с. 72–88]. В дальнейших исследованиях было установлено, что бинарные оппозиции лежат в описании любой картины мира, причём они носят универсальный характер: жизнь – смерть, счастье – несчастье, правый – левый, близкое – далёкое, прошлое – будущее, здесь – там. Большую роль в развитии бинарного принципа как научной проблемы сыграли труды К. Леви-Стросса. Последний определяет бинарный принцип как основополагающий в становлении европейской научной мысли, утверждая, что антиномическое мышление в культуре имеет высокую степень укоренённости [2, с. 115].

В современном мире вопрос о причинах формирования оппозиций встаёт достаточно остро в связи с их социальной обусловленностью. Так, одной из актуальных сегодня является оппозиция *свой – чужой*, поскольку практически в каждой культуре происходит разграничение и противопоставление *своего* и *чужого*, хотя и с разной степенью акцентированности. Несмотря на существенные отличия в картинах мира архаичного и современного человека, противопоставление *свой – чужой* играет роль архетипической (СИСТ, с. 236) оппозиции, вербализованной в разнообразных языковых единицах.

Целью нашего исследования явилось рассмотрение названной оппозиции в качестве одного из способов восприятия и художественного познания мира в русской, английской и татарской лингвокультурах.

К освещению оппозиции *свой – чужой* уже обращались отдельные отечественные учёные. В лингвокультурологическом аспекте эта оппозиция рассматривалась в трудах М.М. Бахтина (1975, 1986) [3; 4], А.К. Байбурина (1990) [5]; в лингвокогнитивном аспекте – в статье С.Л. Сахно (1991) [6], А.П. Бабушкина (2003) [7] и др.; особенности вербализации оппозиции в художественной публицистике были рассмотрены А.А. Леглер (2011) [8]; на материале различных диалектов названная оппозиция была исследована А.Н. Серебренниковой (2004) [9] и М.Н. Петроченко (2005) [10]; И.С. Выходцева рассматривала её в советской словесной культуре (2006) [11]; сравнительный анализ концепта *свой – чужой* в художественной литературе России и Франции был сделан М.Л. Петровой (2006) [12]; особенности данной оппозиции в британском политическом дискурсе были изучены Т.В. Алиевой (2013) [13] и др.

Материалом нашего исследования были выбраны романы Л.Н. Толстого «Война и мир» и М. Митчелл «Унесённые ветром», повесть Г. Исхаки «Зулейха», в которых отображён русский, английский и татарский мир XIX – начала XX в.

В романе Л. Толстого оппозиции вырисовываются сквозь призму *войны* и *мира*, а авторская речь строится на основе общенационального русского литературного языка с включением множественных элементов народного языка, где соединяется мир вещей, природа и человек. В центре романа М. Митчелл также находится изображение войны, такой же трагичной для американского народа, как и Отечественная война 1812 г. для русского.

Оппозиция *свой – чужой* нашла своё отражение и в творчестве Г. Исхаки. Известный татарский писатель, также как и Толстой, воссоздаёт историю духовного становления личности, путь её нравственно-психологического движения. Г. Исхаки прежде всего интересуется духовный мир человека, вступающего в конфликт с нормами и обычаями своей среды, устремлённого к общенародным и общечеловеческим ценностям, способного к социально-идеологическому новаторству [14, с. 32]. Будучи в эмиграции, фактически отверженный родиной, он, как никто другой, смог прочувствовать и изобразить в повести «Зулейха» образы этнически *своих* и *чужих*.

Словарные данные и анализ названных художественных произведений показали, что оппозиция *свой – чужой* проявила себя в различных отношениях, а именно: в кровно-родственных (*родной – не родной*), этнических (*свой – чужой* *народ*), языковых (*свой – чужой/иностраный язык*), конфессиональных (*своя –*

чужая религия), социальных (*своё – чужое сообщество*). В результате нами были выделены такие тематические группы, как *семья, народ, общество, религия*.

Понятие *семья* присутствует в любой этнической культуре и является универсальным. Состав анализируемой тематической группы в основном формируется за счёт лексем, номинирующих членов семьи; правда, в тексте романа «Война и мир» идея семьи чаще всего реализуется на французском языке: *mon pere* (мой отец), *ma tante* (моя тётушка), *femme* (жена), *mon cousin* (мой двоюродный брат), что заведомо прогнозирует функционирование оппозиции *свой – чужой* через пользование языком (*русский – французский*). Языку того времени присуще также употребление в узкосемейном кругу лексемы *батюшка* (В.М.З, с. 254) и синонимичных лексем *папенька/отец, маменька/мать* (В.М.З, с. 65).

Небезынтересным представляется использование Толстым лексемы *мать* в значении *родина: Наша Россия – мать наша* (В.М.З, с. 97). Отметим, что подобные выражения, как *родина – мать наша, мать-земля*, являются спецификой именно русского языка, а в исследуемых татарских и английских текстах не встречаются.

В английском языке такие лексемы, как *son* (сын), *brother* (брат), *father* (отец), *lover* (любимый), *husband* (муж), выявлены в следующих текстах: *There was hardly a house in town that had not sent away a son, a brother, a father, a lover, a husband, to this battle* (G.W.) («В городе почти не оставалось дома, который не отдал бы фронту отца, сына, брата, мужа или возлюбленного») (У.В., с. 245).

Весьма частотной в тексте романа «Унесённые ветром» является лексема *mammy* (обозначает няню), семантика которой постоянно раскрывается; в данном контексте она отнесена автором к кругу родных, *своих: Mammy was black, but her code of conduct and her sense of pride were as high as or higher than those of her owners* (G.W.) («Да, кожа у Мамушки была чёрная, но по части понятия о хороших манерах и чувства собственного достоинства она ничуть не уступала белым господам») (У.В., с. 26).

Внимание в тексте романа Митчелл акцентируется и на троюродных братьях и сёстрах: *Except for Aunt Pittypat and Uncle Henry and you, she hasn't a close relative in the world, except the Burrs in Macon and they're third cousins* (G.W.) («И, кроме тёти Питтипэт, дяди Генри и вас, у неё совсем нет близких родственников, никого на всём белом свете, если не считать Бэрров, но они в Мейконе, и притом это троюродные братья и сёстры») (У.В., с. 261).

В связи с вышеприведённым контекстом следует отметить, что троюродные братья и сёстры в татарской культуре считаются близкими родственниками. Кроме того, в татарском языке присутствует категория, воспринимаемая двуязычным носителем как ласкательная: *сеңлем* (сестрёнка), *этием* (папа), *бабам* (дедушка), *энием* (мама), *кызым* (дочка), *угылым* (сын):

Инде, сеңлем, рэхмәт! (С.Ә., б. 433) («Спасибо уж, сестрёнка!»¹); *Минем энине күрдеңме? Минем кызларым кайда, беләсеңме? <...> Угылым?* (С.Ә., б. 426–427) («Мою маму видела? Мои дочери где, знаешь? <...> Сынок?»); *Минем этием, бабам мөселман булган, бабамның бабасы мөселман булган* (С.Ә., б. 390)

¹ Здесь и далее перевод с татарского языка авторский. – А.А., Р.П.

(«Мой папа, дедушка были мусульманами, дедушка дедушки был мусульманином»).

Интересны случаи, когда граница между *своим* и *чужим* нарушается и лексемы из поля *свой* переходят в поле *чужой*. Так, в русском языке с точки зрения родственных отношений *сын* относится к сфере *своего*, но в специфическом языковом окружении данная лексема при наличии социальных стереотипов может оказаться в сфере *чужого*. Например: *А коли узнаю, что ты повёл себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно!* (В.М.1, с. 103).

Примечательны также примеры, в которых *отцом* номинируется не родной человек, а близкий по духу, по национальному статусу и др.: *Ну, прощай, дружок; помни, что я всей душой несу с тобой твою потерю и что я тебе не светлейший, не князь и не главнокомандующий, а я тебе отец* (В.М.3, с. 133).

В романе Толстого *чужое* способно перерасти в *своё*: *Неужели этот чужой человек сделался теперь всё для меня?* (В.М.2, с. 172).

Из приведённых контекстов становится очевидно, что концепты, существующие в системе языка как полярные, обладают своей спецификой и взаимозависимостью, что создаёт контекстуальную возможность для нейтрализации их противопоставлений.

Одним из основных репрезентантов концепта *свой* в художественном пространстве Толстого в рамках тематической группы *семья* является слово *родной*, а также его дериваты и композиты, включающие в свой состав корень *род-*. Согласно данным Большого толкового словаря *родной* означает *свой, близкий по месту рождения, работы и т. п.* (БТС, с. 1126). Так, среди производных слов от основы *род-* в языке Толстого частотны такие лексемы, как *родня, родной, родственный, родственник*. Приведём пример: *Анна Павловна улыбнулась и обещалась заняться Пьером, который, она знала, приходился родня по отцу князю Василию* (В.М.1, с. 15).

В английском языке сема *родной* представлена различными языковыми единицами, а именно: *own* (свой), *native* (родной), *home* (родной), *dear* (дорогой), *darling* (дорогой), *relatives* (родственники), *relations* (отношения), *kinsfolk* (родственники). Например: *Mrs. Meade's eyes grew wet as she pictured her soldier son home at last, home to stay* (G.W.) («Серые глаза миссис Мид подёргивались влагой, когда она рисовала себе своего сына-воина, возвратившегося наконец под родной кров, чтобы больше никогда его не покидать») (У.В., с. 144).

Примечательно также использование М. Митчелл словосочетания *the same blood*. Дословно оно означает *одной крови*, но в переводе романа, выполненном Т. Озерской, это выражение представлено как *родственная душа*: *Nor will you, my dear, for you and I are of the same blood* (G.W.) («Также и ты, моя дорогая, ибо мы с тобой родственные души») (У.В., с. 206). Необходимо отметить, что данный перевод выражения *the same blood* не зафиксирован в двуязычном словаре. Словосочетания такого типа являются переводческой трансформацией – преобразованием, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода. И, поскольку переводческие трансформации совершаются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значения исходных единиц [15, с. 172].

При анализе лексем тематической группы *семья*, функционирующих в романе «Война и мир», следует особо отметить, что каждая толстовская семья описывается определёнными лексемами. Так, ключевыми при описании семьи Ростовых являются лексические единицы с корнем *люб-*, а также с семемами *счастье, веселье*: *Никогда в доме Ростовых любовный воздух, атмосфера влюблённости не давали себя чувствовать с такой силой, как в эти дни праздников* (В.М.2, с. 35); *Вернувшись в Москву из армии Николай Ростов был принят домашними как лучший сын, герой и ненаглядный Николушка; родными – как милый, приятный и почтительный молодой человек...* (В.М.2, с. 8). Для Николая Ростова семья – это мир радости, наслаждений: *Ростов опять вошёл в тот свой семейный, детский мир, который не имел ни для кого никакого смысла, кроме как для него, но который доставлял ему одни из лучших наслаждений в жизни...* (В.М.2, с. 7).

Миру Ростовых противопоставлен мир Болконских, в котором царит дух замкнутости. Болконские с осторожностью, неохотно произносят слова любви. О самом же мире Болконских автор романа пишет так: *Члены семейства были разделены на два лагеря, чуждые и враждебные между собой...* (В.М.3, с. 27). В данном контексте прилагательное *враждебные* направлено на усиление оценочности *чужого* и предопределено прилагательным *чуждый*. При этом в русском языке лексемы *чуждый* и *чуждой*, вследствие неполного совпадения семантики, являются паронимами. Согласно толковому словарю русского языка *чуждый* обладает следующими значениями: 1) непривычный, неестественный, неприемлемый для кого-либо, чего-либо; 2) отрешившийся от чего-либо или лишённый чего-либо, далёкий чему-либо (БТС, с. 1480). Примечательно, что к русскому слову *чуждый* полные эквиваленты в татарском и английском языках отсутствуют.

Тематическая группа *народ* является одной из ключевых в рассматриваемых романах, так как этничность – один из вариантов реализации оппозиции *свой – чужой*. Этнонимы в исследуемых текстах не частотны, но всё же составляют особую группу инокультурных лексем. Как правило, слова – названия общностей людей подразделены на ряд семантических групп, объединённых общим семантическим компонентом *народ, общность людей*. В связи с этим нами выделено три группы этнонимов.

Первая группа содержит наименования лиц, включающие локально-пространственные указатели направленности: *юг/южанин, север/северянин*. Противопоставление *the south – the north* (юг – север) является ключевым в романе «Унесённые ветром», так как основные действия разворачиваются на фоне гражданской войны между Севером и Югом: *The truth was that the North was holding the South in a virtual state of siege, though many did not realize it* (G.W.) («В сущности, Север держал Юг в осадном положении, хотя не все ещё отчётливо это понимали») (У.В., с. 266). Столкновение Севера и Юга интерпретируется нами как столкновение *своих* и *чужих*.

Во вторую группу входят наименования лиц, связанные с названиями народа. Следует отметить, что в романе Митчелл этнонимы начинают активно функционировать в тексте при описании начала войны:

The North could call on the whole world for supplies and for soldiers, and thousands of Irish and Germans were pouring into the Union Army, lured by the bounty money offered by the North (G.W.) («Север мог со всех концов мира получать боеприпасы и подкрепление – тысячи ирландцев и немцев, привлечённые щедрыми Посулами, пополняли ряды армии северян») (У.В., с. 48); *Most of the prisoners we've taken recently can't even speak English. They're Germans and Poles and wild Irishmen who talk Gaelic (G.W.)* («Большинство солдат, взятых нами в плен в последние дни, не знают ни слова по-английски. Это немцы, поляки и неистовые ирландцы, изъясняющиеся на гаэльском языке») (У.В., с. 95).

В романе «Война и мир» также функционируют этнонимы, которые на фоне войны становятся формальными оппозициями: *Толпа состояла из малого числа русских и большого числа наполеоновских войск вне строя: немцев, итальянцев и французов в разнородных мундирах. Справа и слева столба стояли фронты французских войск...* (В.М.4, с. 31).

Обратившись к тексту на татарском языке, мы обнаружили оппозицию *свой – чужой*, выражающуюся через естественное для исторической эпохи противопоставление *урьс – татар* (русский – татарин). Так, автор не раз показывает негативное отношение русских к татарам, например: *Ул кешемени?! Ул – эт! Ул – татар эте!* (С.Э., с. 438) («Он разве человек? Он – собака! Он – татарская собака!»).

К третьей группе отнесём имена собственные. Оппозиция *Кутузов – Наполеон*, на наш взгляд, является не вполне обычной формой классической оппозиции лексем *свой – чужой* в произведении Толстого. Кутузов избран Толстым как воплощение образа освободителя народа от врага. Наполеон же является олицетворением войны, его деятельность носит антинародный характер: *А вместе с тем умный и опытный Кутузов принял сражение. Наполеон же, гениальный полководец, как его называют, дал сражение, теряя четверть армии и ещё более растягивая свою линию* (В.М.3, с. 141); *Война моё [Наполеона] ремесло...* (В.М.3, с. 25).

В английском и татарском текстах оппозиция *свой – чужой*, выражающаяся через имена собственные, не отражена.

В ходе анализа нами также были зафиксированы лексемы, объединённые в группу *общество* по принципу *своё – чужое сообщество*. Данная тематическая группа широко представлена оппозициями и достаточно ярко отображает круг *чужих*, в котором находится низший слой общества, и круг *своих*, в центре которого – высшее общество. Тематическая группа *общество* поддерживает словарное значение «относящийся к себе как члену какого-л. коллектива, какой-л. общности» (БТС, с. 850). Так, в романе «Война и мир» немало места отводится описанию светского общества, поскольку именно в период XIX века в России важную общественную роль играли дворяне. Героев Толстого можно разделить на две категории: выходцы из народа и светское общество. Словосочетание *светское общество* является доминантным в рамках данной тематической группы, оно вступает в синонимические отношения с такими лексемами, как *свет, двор, большой свет, высший свет, дворяне, петербургское общество, петербургский свет, московское общество*. Высшее общество характеризуется также следующими прилагательными: *знатное*, то есть «принадлежащее к знати,

к верхушке привилегированного класса» (БТС, с. 368) (*знатная девица* (В.М.1, с. 86)); *светское*, что означает «отвечающее требованиям света, принятое в свете, изысканное» (БТС, с. 1100) (*светская поза* (В.М.1, с. 63)).

Высший свет, имея в ряде случаев негативную коннотацию, становится чуждым отдельным героям романа. Отрицательно-оценочную семантику вносят такие прилагательные, как *далёкий, странный, безумный, разрушенный, ничтожный, развращённый, вычурно-фальшивый, ненатуральный*. Особое место в оппозиции *свой – чужой* в русском языке занимает слово *странный*. Оно как бы предупреждает о встрече с чужим (или чуждым?). Приведём примеры из текста романа Толстого, свидетельствующие о том, что лексема *странный* соотносится с *чужим, иным, непонятным*.

...*Она только чувствовала себя опять вполне безвозвратно в том странном, безумном мире, столь далёком от прежнего, в том мире, в котором нельзя было знать, что хорошо, что дурно, что разумно и что безумно* (В.М.2, с. 259). *Она видела... странно наряженных мужчин и женщин, при ярком свете странно двигавшихся... всё это было так вычурно-фальшиво и ненатурально...* (В.М.2, с. 248).

В тематической группе *общество* в английском языке антонимические отношения наблюдаются между лексемами *rich men* (богачи) – *poor men* (бедняки): *They were the ones who declared it was a “rich man’s war and a poor man’s fight” and they had had enough of it* (G.W.) («Они открыто заявляли, что эту “войну вводят богачи, а кровь проливают бедняки” и они сыты войной по горло») (У.В., с. 280). Бедняки и богачи в тексте номинируются различными словосочетаниями и противопоставляются посредством таких оппозиций, как *white folks* (белые господа) – *black, darky* (чёрные); *County* (богатые плантаторы) – *white trash* (белые голодранцы); *rich planters* (богатые плантаторы) – *poor whites* (белые бедняки).

Как правило, белым противопоставляются чёрные, однако обнаруживаются контексты, в которых белые и чёрные предстают ровней (при этом частотна лексема с обобщающим значением *все*): ...*The entire personnel of Tara, black and white, turned out to see Ashley off to the war* (G.W.) («...Все обитатели усадьбы – как белые, так и чёрные – высыпали во двор проводить мистера Эшли на войну») (У.В., с. 132).

Отрицательно-оценочное словосочетание *white trash* (белая рвань) оказывается достаточно частотным в тексте: *He liked the South, and he soon became, in his own opinion, a Southerner. There was much about the South – and Southerners – that he would never comprehend; but... he adopted its ideas and customs, as he understood them... contempt for white trash...* (G.W.) («Американский Юг пришёлся ему по вкусу, и мало-помалу он стал южанином в собственных глазах. Кое в чём Юг и южане оставались для него загадкой, но он... принял их такими, как он их понимал, принял их взгляды и обычаи... презрение к “белой рвани” – к белым беднякам, не сумевшим выбиться в люди...») (У.В., с. 210). Исходя из данного контекста, мы видим, что герой успешно выдерживает испытание *чужим* для него пространством, которое впоследствии становится *своим*.

Подчеркнём, что в толковом словаре английского языка выражение *white trash* определяется как “an offensive word used to describe poor white people,

especially those living in the southern US” (OALD, p. 1384) (оскорбительное слово, используемое для описания бедняков из белого населения, главным образом тех, кто живёт в южных штатах США). Во вторичном тексте на русском языке переводчик использует синонимические словосочетания *белые голодранцы / белая шваль / белая рвань*. На американском юге так называли тех же *белых бедняков*, которые стояли ступенькой ниже джентельменов. Эти люди происходили от каторжников и белых иммигрантов, которые были обязаны оплатить свой приезд в Америку, поэтому между *белой рванью* и господами существовала значительная социальная разница. Отрицательная коннотация данного словосочетания усиливается, когда с *белой рванью* сравнивается положительный герой романа: *But she'd already acted common enough today, enough like white trash – that was where all her trouble lay* (G.W.) («Нет, она и так слишком вульгарно вела себя сегодня, совсем как плебейка, как эта белая рвань, – вот в чём беда!») (У.В., с. 125).

Интересно, что *белым голодранцам* в тексте противопоставляются не только богатые, но и чёрные слуги богатых, вследствие чего вырисовывается оппозиция *the house negroes of the County – white trash* (чёрные слуги богатых плантаторов – белые голодранцы): *The house negroes of the County considered themselves superior to white trash...* (G.W.) («Чёрные слуги богатых плантаторов смотрели сверху вниз на “белых голодранцев”...») (У.В., с. 38). Как видно из примеров, в качестве *чужих*, которых общество отталкивает от себя, выступают люди, репрезентирующие тех, за кем закреплён ярлык *низший слой*.

Весьма употребительной в романе является лексема *outcast* в значении *изгой*: *A wife who didn't burn herself would be a social outcast* (G.W.) («Вдова, не пожелавшая сжечь себя вместе с мужем, становится изгоем») (У.В., с. 190). По данным толковых словарей, *изгой* – человек, стоящий вне какой-либо среды, общества, отвергнутый ими (БТС, с. 379). В толковом словаре английского языка приводится следующее толкование: *an outcast* – “a person who is not accepted by other people and who sometimes has to leave their home and friends” (OALD, p. 898).

Как показывает текстовый материал, все выделенные оппозиции в рамках группы *общество* получают оценочную коннотацию в тексте, когда изображается мирное время. При описании же военного периода семантические оппозиции, отражающие социальные противоречия, «бледнеют», что просматривается в следующем материале: *Planters and Crackers, rich and poor, black and white, women and children, the old, the dying, the crippled, the wounded, the women far gone in pregnancy, crowded the road to Atlanta on trains, afoot, on horseback, in carriages and wagons piled high with trunks and household goods* (G.W.) («Плантаторы и безземельные, богатые и бедные, белые и чёрные, женщины и дети, старики и калеки, раненые и умирающие и даже женщины на сносях запрудили дороги к Атланте: они шли пешком, они ехали на поездах, верхом, в экипажах, на повозках, доверху загруженных сундуками и всякой домашней утварью...») (У.В., с. 284).

Что же касается оппозиции по конфессиональному признаку, то она наиболее отчётливо отражается в произведении Г. Исхаки «Зулейха», что даёт возможность предположить важность этой оппозиции в татарской культуре. В приведённом ниже контексте при помощи антитезы *христиан – муселман*

(христианин – мусульманин) вырисовывается противопоставленность религиозных конфессий:

Поп. Син ник христиан өенә кереп, Коръән укыйсың? Мулла. Болар – мөселман! Поп. Христиан! Мулла. Мөселман. <...> Тегеләр. Без мөселман, без курыкмыйбыз... Без – мөселман! Поп. Христиан! (С.Ә., б. 405) («Поп. Ты почему в доме христиан Коран читаешь? Мулла. Эти – мусульмане! Поп. Христиане! Мулла. Мусульмане! <...> Те. Мы мусульмане, мы не боимся... Мы – мусульмане! Поп. Христиане!»).

В повести «Зулейха» прослеживается тема «неправильных» татар – кряшен, которые становятся *чужими*, принимая другое вероисповедание: *Ник безне керәшен диләр? Без мөселман түгелмени? (С.Ә., б. 390) («Почему нас называют “кряшенами”? Мы разве не мусульмане?»).*

Отметим, что в романе «Война и мир» лексемы *христиане, православные* встречаются сравнительно редко: *Батюшки, родимые, христиане православные, спасите, помогите, голубчик! (В.М.3, с. 297)*. Примечателен также следующий пример: *Миром, – все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединённые братской любовью – будем молиться... (В.М.2, с. 57)*.

Оппозиций по религиозному признаку в произведении М. Митчелл выявлено не было.

В ходе проведённого исследования нам удалось рассмотреть, как в анализируемых художественных текстах развёртывается сложная система бинарных оппозиций, с помощью которых писатели стремятся вскрыть причины конфликтов в семье, обществе, между этносами. Оппозиция *свой – чужой* определила собой художественное функционирование и других значимых оппозиций, таких как:

- *мир – война, русский – французский, отец – сын, Ростовы – Болконские, русские – наполеоновские войска, Кутузов – Наполеон, светское общество – народ* в романе Л.Н. Толстого;

- *South – North (Север – Юг), rich men – poor men (богачи – бедняки), white folks – black, darky (белые господа – чёрные)* в романе М. Митчелл;

- *урьс – татар (русский – татарин), христиан – мөселман (христианин – мусульманин)* в повести Г. Исхаки.

Установлено, что выявленные смысловые оппозиции функционально взаимозависимы, они являются ключом к постижению художественного мира Л.Н. Толстого, М. Митчелл, Г. Исхаки.

Summary

A.A. Aminova, R.M. Plankina. The Native/Foreign Binary Opposition in Russian, Tatar and English Linguocultures (Using the Works by L. Tolstoy, M. Mitchell and G. Iskhaki).

The article studies the *native/foreign* opposition in three linguocultures. Particular attention is paid to the lexemes representing the above-mentioned opposition and existing in the language space of the texts under investigation. The analysis is carried out using the works by L. Tolstoy (*War and Peace*), M. Mitchell (*Gone with the Wind*) and G. Iskhaki (*Zuleikha*). The authors distinguish several theme groups (family, nation, society and religion) where the *native/foreign* opposition is revealed.

Keywords: binary oppositions, *native/foreign* opposition, theme group.

Источники

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1535 с.
- С.Э. – *Исхакий Г.* Сайланма эсэрлэр. – Казан: ТаРИХ, 2002. – 479 б.
- СИСТ – *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс, 1995. – 453 с.
- В.М.1 – *Толстой Л.Н.* Война и мир: в 4 т. / Комментар. Л.Д. Опульской. – М.: Просвещение, 1987. – Т. 1. – 288 с.
- В.М.2 – *Толстой Л.Н.* Война и мир: в 4 т. / Комментар. Л.Д. Опульской. – М.: Просвещение, 1987. – Т. 2. – 302 с.
- В.М.3 – *Толстой Л.Н.* Война и мир: в 4 т. / Комментар. Л.Д. Опульской. – М.: Просвещение, 1987. – Т. 3. – 318 с.
- В.М.4 – *Толстой Л.Н.* Война и мир: в 4 т. / Комментар. Л.Д. Опульской. – М.: Просвещение, 1987. – Т. 4. – 272 с.
- G.W. – *Mitchell M.* Gone with the Wind. – URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/m/mitchell/margaret/gone/complete.html>, свободный.
- У.В. – *Митчелл М.* Унесённые ветром: в 2 т. / Пер. с англ. Т. Озерской. – М.: Худож. лит., 1993. – Т. 1. – 624 с.
- OALD – *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. – 1539 p.

Литература

1. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии / Под ред. С.Д. Канцельсона. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352 с.
2. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
3. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.
4. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. – М.: Наука, 1986. – С. 80–160.
5. *Байбурин А.К.* Ритуал: своё и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л.: Наука, 1990. – С. 3–17.
6. *Сахно С.Л.* «Своё – чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 95–102.
7. *Бабушкин А.П.* Стереотипы как средство понимания фактов «чужой» культуры // Проблема взаимопонимания в диалоге: Сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 22–27.
8. *Леглер А.А.* Особенности вербализации бинарно-понятийной оппозиции «свои – чужие» в художественной публицистике Гюнтера Вальрафа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 22 с.
9. *Серебренникова А.Н.* Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 22 с.
10. *Петроченко М.Н.* Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 23 с.
11. *Выходцева И.С.* Концепт «свой – чужой» в советской словесной культуре: 20–30-е гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2006. – 20 с.

12. *Петрова М.Л.* Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX–XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 26 с.
13. *Алиева Т.В.* Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 28 с.
14. *Аминева В.Р.* Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2010. – 51 с.
15. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

Поступила в редакцию
01.04.14

Аминова Альмира Асхатовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: almira.Aminova@rambler.ru

Планкина Регина Маратовна – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: regina_pl@mail.ru